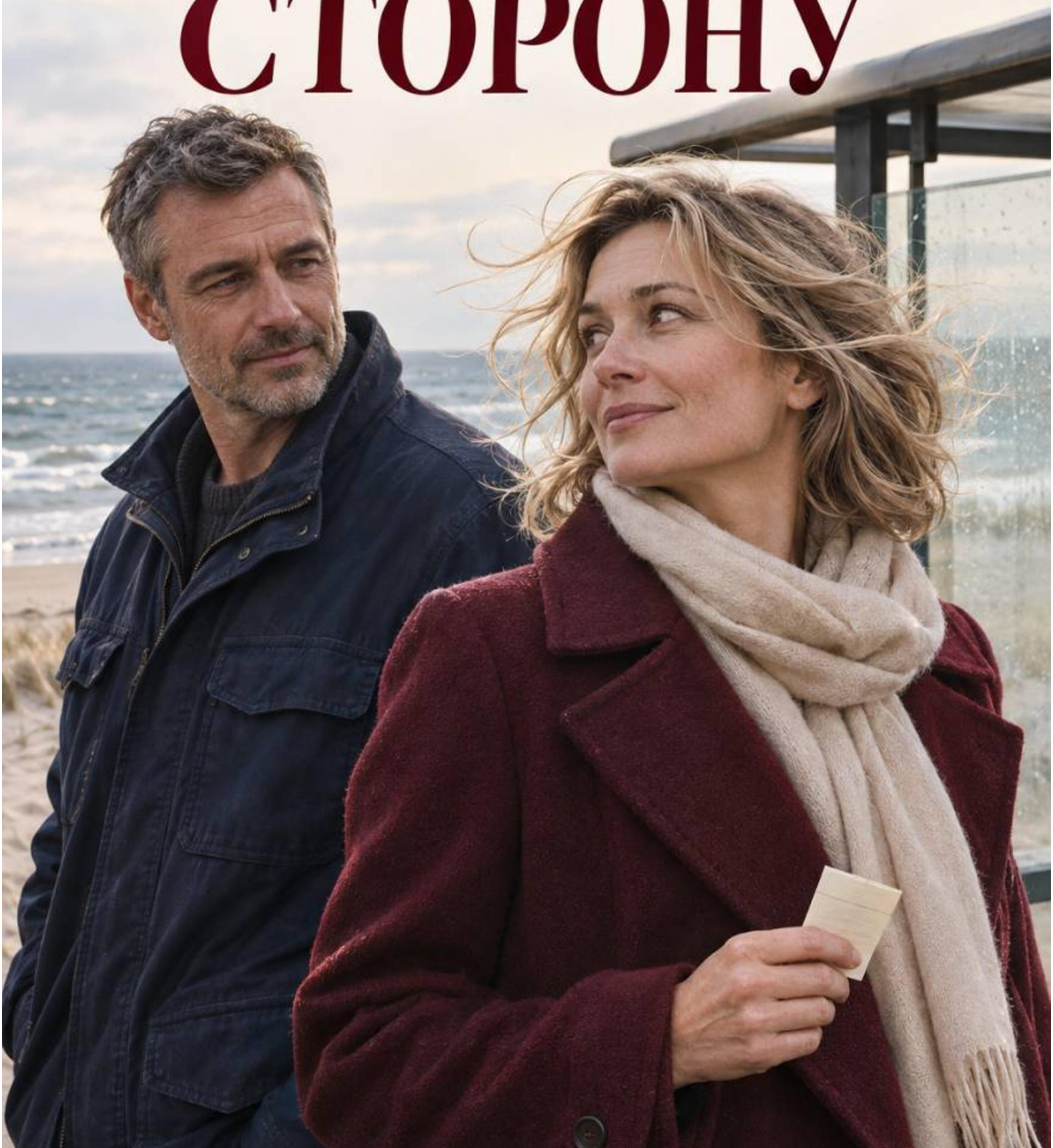
ЕЛЕНА ЛАДИНА

БИЛЕТ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

Елена Ладина

Билет в обратную сторону

«Автор»
2026

Ладина Е.

Билет в обратную сторону / Е. Ладина — «Автор», 2026

Восемь лет после развода Аделина и Кирилл обходились без разговоров о том, почему расстались. Теперь их снова сводит Калининградское побережье: умер общий друг, оставив незаконченный путеводитель. Его сестра просит проверить маршруты и подготовить книгу к печати.Автобусы опаздывают, знакомые лестницы закрыты, старые фотографии противоречат памяти. Вместе с дорогами приходится проверять собственные объяснения. Аделина уверена, что когда-то муж решил за двоих. Кирилл хочет доказать, что его осудили несправедливо. Но в тетради друга сохранилась история, в которой ни один из них не выглядит безупречно.До обратного рейса Аделины остаётся месяц. Достаточно, чтобы закончить чужую книгу. А чтобы снова довериться друг другу?

© Ладина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После всех 5
Глава 2. На прежнем месте 10
Глава 3. Чужая строка 14
Глава 4. Этот берег 18
Глава 5. Вещи для дороги 22
Глава 6. На полях 26
Глава 7. У открытого окна 30
Глава 8. Недостаточно данных 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Елена Ладина
Билет в обратную сторону

Глава 1. После всех

Аделина узнала Кирилла со спины, хотя за восемь лет он успел поседеть. Он стоял возле калитки, чуть наклонив голову к женщине в синем пальто, и держал чужую сумку. По тому, как он прижимал её локтем к боку, Аделина поняла: сумку дали ненадолго, попросили подержать, а теперь забыли. Раньше она могла бы подойти и забрать. Теперь миновала их обоих, не найдя подходящего выражения лица.

Светлана ждала у дорожки. В руках у неё была одна белая гвоздика, оставшаяся без пары. Она поправляла бумажную обёртку на стебле и смотрела на приближавшихся людей так, словно должна была отметить каждого в списке. Аделина обняла её. Под ладонью оказалось не тёплое плечо, а скользкая подкладка пальто: воротник вывернулся, и Светлана, должно быть, давно этого не замечала.

— Я думала, ты не успеешь.

— Успела.

Не хотелось объяснять, что самолёт прилетел вчера, что она ночевала в гостинице и утром дважды переставляла будильник, хотя уже не спала. Не к чему было говорить о собственном пути рядом с женщиной, которая последние три дня выбирала гроб брату.

— Он был бы рад, — сказала Светлана и сразу отвернулась. — Пойдём.

Аделина пошла рядом, осторожно ступая по рыхлому краю дорожки. Туфли оказались неподходящими: она взяла единственные чёрные, не подумав, что придётся долго стоять на земле. Андрей при виде этих туфель непременно предложил бы заехать к нему за другой обувью. Он хранил у себя вещи многих людей, давно переставших ездить с ним в экспедиции: ботинки, кепки, кружки. У каждой вещи имелся хозяин и случай, по которому она могла понадобиться. Теперь неизвестно было, кому всё это вернуть.

У могилы она не сразу смогла посмотреть на фотографию. На ней Андрей щурился от солнца и держал за плечо кого-то, обрезанного рамкой. Аделина помнила этот снимок. Она сама его сделала в тот год, когда ещё не научилась проверять, кому именно улыбаются люди перед объективом. Светлана увеличила лицо брата, и чужое плечо осталось в правом нижнем углу — светлая куртка, край воротника. Куртка Кирилла.

Короткая речь пожилого мужчины закончилась просьбой не забывать Андрея. Потом говорили другие. Аделина слушала слова «увлечённый», «неутомимый», «настоящий» и ждала хоть одного, от которого он стал бы похож на себя. Наконец женщина с красными веками рассказала, как он однажды вернулся за её пакетом с лекарствами, оставленным в автобусе, и из-за этого опоздал на встречу в администрации. Он тогда всю дорогу сердился, сказала она, не на неё, а на водителя, который не хотел остановиться; и потом ещё долго сердился, потому что справку ему так и не дали. Несколько человек кивнули. Аделина впервые за утро почувствовала, что находится на похоронах Андрея, а не слушает чужую биографию.

Когда начали расходиться, Кирилл подошёл к Светлане и спросил, кого отвезти. Голос у него почти не изменился. Стал только ниже, будто он говорил после долгой простуды. Аделина ожидала, что он обратится к ней, и заранее приготовила ответ про такси, но Кирилл не спросил. Он посмотрел ей в лицо, кивнул и пошёл к женщине в синем пальто, всё ещё державшейся поблизости.

Ей стало обидно. Тут же — стыдно за эту обиду. Какое имело значение, заговорит ли с ней бывший муж, если Андрей лежал теперь под цветами, а Светлана искала в кармане бумажный платок и находила только квитанции.

— У меня есть, — сказала Аделина.

Она достала пачку из сумки, распечатала её зубами, потому что тонкая клеевая полоска не поддавалась пальцам, и отдала целиком. Светлана взяла один платок, вернула остальное, потом всё-таки попросила оставить пачку.

На поминках они оказались за одним длинным столом, но далеко друг от друга. Кирилл сидел у прохода, вставал, пропускал людей, приносил воду. Аделина смотрела на его руку, когда он передавал графин. Обручального кольца не было; от прежнего кольца тоже не осталось заметного следа. Она не собиралась этого выяснять. Поймав себя на том, что выяснила, положила вилку и заставила себя съесть хлеб.

После еды Светлана попросила её не уходить. Аделина подумала, что нужна помощь с квартирой, билетами, чьими-то вещами. Это даже принесло облегчение: ей хотелось получить простое поручение, которое можно выполнить сегодня и потом увезти с собой память о том, что она хоть чем-то пригодилась.

Они вернулись в Андрееву квартиру ближе к четырём. Кирилл приехал отдельно, с коробкой посуды из кафе. Дверь ему открыла Светлана, не спрашивая, кто там. На кухне он поставил коробку возле холодильника и остался в коридоре с курткой на руке. Аделина уже сняла пальто. Из-за этого ей показалось, что она здесь по-прежнему своя, а он пришёл ненадолго.

В квартире пахло пылью и яблоками. На подоконнике лежали три яблока, одно сморщилось с того бока, который был обращён к батарее. Чашка Андрея стояла в сушилке. Светлана взяла её, подумала и убрала в шкаф, не предложив никому чай.

— Я вас обоих попросила, — сказала она. — Потому что потом опять начнутся ваши дела, и я не поймаю.

— Я здесь, Свет, — ответил Кирилл.

— Я знаю, что ты здесь.

Он повесил куртку. Аделина заняла стул у окна, тот, на котором обычно сидела раньше. Кирилл остался стоять, пока Светлана не вытащила из-под стола ещё один. Сели они боком друг к другу, оставив между собой угол с потёртой клеёнкой.

Папка была обычная, зелёная, с тугими завязками. Светлана развязала верхнюю, но нижняя затянулась узлом. Кирилл протянул руку.

— Не надо, я сама.

Светлана ковырнула узел ногтем. Несколько секунд они смотрели, как она с ним справляется. Потом папка раскрылась, и наружу выскользнул снимок автобусной остановки. Над скамейкой виднелась надпись, которую Аделина помнила: две буквы были выведены поверх старых, более светлой краской. Она не могла вспомнить название посёлка, но помнила, что именно здесь Андрей потерял колпачок объектива и заставил их искать в траве.

— Он доделывал путеводитель, — сказала Светлана. — Не тот прежний. То есть начало оттуда, но сейчас совсем другой. Для тех, кто без машины. По берегу, с остановками, где можно остаться, где не надо лезть напрямик. Хотел выпустить маленькой книгой.

Аделина подняла глаза на Кирилла. Он смотрел в папку.

— Я знаю, — сказал он.

Она не знала. В последнем их разговоре Андрей спрашивал о переводе подписи на старой открытке. Она обещала посмотреть и посмотрела; прислала ему несколько вариантов, объяснила разницу. Он поблагодарил. О книге не сказал ни слова.

— С издателем уже договорились, — продолжала Светлана. — Вадим просит проверить маршрут. Андрей зимой ходил, но после зимы всё меняется. Где-то лестницу закрыли, где-то кафе откроется только в июне. Ему нужен май.

— Света, — тихо сказал Кирилл, — тебе сейчас необязательно это делать.

— Мне вообще теперь ничего необязательно.

Он отвёл взгляд. Светлана взяла снимок, который выскользнул из папки, и вернула его на место, выравнивая с другими бумагами.

— Простите. Я не хотела. Просто я утром встаю и не понимаю, что делать с днём. А это понимаю. Есть книга. В ней можно что-то проверить. Вы были в первой поездке. Вы знаете, что он хотел.

Аделина коснулась пальцем угла страницы. На ней мелким почерком было написано: «Выход к морю — уточнить после шторма». Ни даты, ни окончательной формулировки. Так он всегда и работал: оставлял себе поручения в тех местах, где другой уже решил бы, что готово.

— Сколько времени? — спросила она.

— До конца месяца. Не каждый день. Вадим даст список. Он просил людей, которые смогут не только по карте посмотреть.

— Я не могу обещать месяц.

Сказав это, Аделина почувствовала привычное облегчение от точности. Не «не хочу», не «не поеду с Кириллом», а объективное ограничение: работа, сроки. В Петербурге у неё лежала половина переведённого каталога, и на двадцать третье была назначена встреча с заказчиком. Но встречу можно было перенести в видеозвонок, а каталог — переводить здесь. Она уже знала это и продолжала держаться за фразу.

— Тогда скажи, сколько можешь, — ответила Светлана.

Кирилл не помог ей отказать. Прежде он часто делал это: объяснял за обоих, что они устали, опаздывают, не смогут приехать. Потом Аделина злилась на него за эти объяснения. Сейчас она ждала такого же движения — и злилась заранее, хотя он сидел молча.

— Мне нужно понять работу. И где жить.

— Гостиницу оплатят. Скромную. Я могу часть…

— Света, не надо, — перебила она. — Я не об этом.

Наступила пауза. Кирилл поднял глаза, и ей пришлось сказать при нём, без удобного посредничества:

— У нас должны быть отдельные номера. На всём маршруте.

Светлана кивнула слишком быстро.

— Конечно.

— Я не думал иначе, — сказал Кирилл.

Это было сказано ровно, без упрёка. Аделина всё равно услышала упрёк и от этого рассердилась сильнее, чем если бы он позволил себе усмешку. Ей было сорок три года, она восемь лет жила одна, сама покупала билеты, договаривалась о работе, лечилась, меняла замки. Она имела право оговорить отдельную комнату, не чувствуя себя человеком, который слишком много о себе вообразил.

Светлана вынула из папки лист с телефоном редактора.

— Позвоните ему завтра. Пожалуйста. Он всё объяснит лучше меня.

Аделина забрала лист. Кирилл сфотографировал номер. Их руки на секунду оказались рядом над столом, и она заметила на его большом пальце старый шрам. Помнила порез, аптеку, зелёную коробку с пластырем. Могла бы сейчас сказать, чем именно он порезался, и не знала, кому он звонит вечерами.

Уходили они вместе. Светлана закрыла дверь прежде, чем лифт дошёл до этажа, и за дверью сразу стало тихо. В лифте Кирилл спросил:

— Тебя отвезти?

— Я вызвала.

— Хорошо.

Она ещё не вызывала. Нажала на экран телефона, увидела своё отражение в чёрном стекле и только потом открыла приложение. На улице Кирилл остановился рядом, пока она ждала машину. Не загораживал от ветра, не предлагал куртку, не пытался говорить. От этой осторожности ей захотелось задать какой-нибудь простой вопрос о его жизни, чтобы они наконец перестали стоять, как незнакомые люди, которым зачем-то сообщили об общем прошлом.

— Ты давно знал про книгу?

— С осени.

— Он часто тебе звонил?

Кирилл посмотрел на освещённое окно пятого этажа.

— Иногда. Я ему помогал с поездками.

— Понятно.

Она услышала собственное «понятно» и пожалела: ничего понятного в этом слове не было. Было удивление, что жизнь Андрея продолжалась без её участия, и неприятное желание немедленно выяснить, насколько близки они остались с Кириллом. Машина подъехала к другому подъезду. Аделина махнула водителю, попрощалась и пошла, стараясь не ступать на каблук слишком сильно.

В гостиничном холле её остановила администратор. Нужно было уточнить, не потребуется ли продление после завтрашнего дня: на следующие даты уже имелись брони. Аделина вспомнила свой обратный билет, купленный на вечер четвёртого, и невнятно сказала, что, возможно, задержится.

— Тогда продление не сюда, — ответила администратор. — Есть другой номер. Я могу показать утром.

Она повернула к Аделине лист с ценами. Разница была небольшой за одну ночь и существенной за три недели. Аделина уже хотела спросить, дадут ли скидку, если остаться надолго, но рядом поставил чемодан мужчина, ждавший заселения. Она отошла к дивану и открыла письмо с билетом.

Перенос требовал доплаты. Не непосильной; просто деньги предназначались на другое. В апреле она заказала новые очки, оплатила часть лечения зуба, собиралась заменить расшатавшееся кресло. Теперь перечисляла расходы про себя с почти постыдным удовольствием: они позволяли не решать, хочет ли она провести здесь месяц. Достаточно было обнаружить, что остаться невозможно.

Из сумки торчал угол листа с телефоном редактора. Светлана не назначила ни оплату, ни первый выезд. Пока Аделине предлагали только узнать подробности. Она закрыла страницу билета, не меняя ничего, и поднялась к себе.

Нина позвонила, когда она снимала пальто.

— Добралась? Я весь день думаю, звонить или не трогать.

— Уже в номере.

— Тебя завтра встречать?

Аделина села на стул, не расстегнув туфли.

— Пока не знаю, когда прилечу. Тут есть работа. По Андреевой книге.

Нина спросила, что за книга. Аделина объяснила про путеводитель, весеннюю проверку, издателя. Рассказала всё довольно связно, и только на вопрос, с кем она будет ездить, сделала паузу.

— С Кириллом. Света нас обоих попросила.

— Понятно.

— Там не то, что ты думаешь.

— Я пока про растения думаю. Если ты не завтра, надо зайти полить.

Аделина опустила голову. В самом деле, у Нины был её запасной ключ; перед отлётом они говорили о горшке на солнечном подоконнике. Не о бывшем муже.

— Прости. Я сегодня всё время слышу не то.

— Не извиняйся. Скажи только, когда будет ясно. На неделе могу после работы.

Аделина попросила зайти. Объяснила, какой цветок не стоит поливать вместе с остальными, где лежит небольшая лейка. На этих словах впервые за день представила собственную кухню без себя. Там оставалась вчерашняя чашка возле раковины, и на стуле висело полотенце, которое она не успела убрать. Три дня отсутствия ничего не меняли. Месяц требовал, чтобы кто-то вошёл и сделал несколько привычных движений за неё.

— Ты как? — спросила Нина, когда они договорились.

— Я его почти не увидела.

Слова вышли сами. Нина подождала.

— На фотографии. Я всё время смотрела на край куртки. На чужое плечо. На что угодно, кроме лица. А потом крышку уже закрыли.

— Ты до этого с ним разговаривала?

— Недавно. Про открытку. Обычный разговор.

Нина тихо сказала, что ей жаль. Аделина услышала за её голосом шум воды: подруга, наверное, готовила ужин. Ей захотелось остаться на связи и слушать эти звуки, но говорить больше было не о чем.

— Ты готовишь?

— Мою рис. Могу потом перезвонить.

— Нет, не надо. Просто не клади минуту.

Нина не положила. Аделина расстегнула туфлю, потом вторую, поставила обе под стул. Слушала, как подруга убавляет воду и двигает кастрюлю. За окном номера проехал автобус. Она не заплакала и не почувствовала облегчения, но смогла наконец снять пальто.

После звонка Аделина развернула лист Светланы. На обратной стороне были заметки Андрея. Он писал карандашом, нажимая так, что на бумаге оставались бороздки.

«Не делать маршрут для человека, который никогда не устаёт».

Аделина положила лист рядом с ноутбуком. Открыла рабочий файл, перевела два предложения и вернулась к началу первого: смысл был верен, но получалась чужая, неудобная русская речь. Она закрыла компьютер и наклонилась посмотреть пятку. На правой лопнула кожа; пока она ходила, боли почти не было.

Глава 2. На прежнем месте

Утром Кирилл открыл мастерскую раньше обычного. Машина на подъёмнике оставалась со вчерашнего дня; хозяин согласился подождать до вечера, но Кирилл всё равно чувствовал, будто заставляет его ждать дольше, чем обещал. Он переоделся, убрал со стула пакет с чистой рубашкой и минуту стоял перед открытым шкафчиком. Рубашку следовало отнести домой. Вместо этого он повесил её на гвоздь рядом с рабочей курткой.

В мастерской было холодно. Пока нагревался чайник, он проверил коробку с деталями и написал напарнику, что сегодня нужно будет отлучиться. Саша ответил не сразу. Потом прислал: «На сколько?» Кирилл посмотрел на телефон редактора, сохранённый вчера, и написал: «Сначала на пару часов. Потом поговорим».

Нельзя было исчезнуть на месяц только потому, что умер друг. Две машины ждали ремонта, на следующую неделю записались ещё три человека. У Саши ребёнок недавно вышел из больницы, и вечерами он уходил без задержек. Кирилл мог закрыть свою запись, потерять деньги, оплатить чужие часы. Это было неприятно, но понятно. Непонятно было, как сообщить Аделине, что он согласился ещё вчера, не превращая согласие в приглашение к ней.

Он надеялся, что она откажется. Надеялся и на противоположное, с такой же силой, и из-за этого не мог нормально обдумать предстоящую работу. В памяти стояла её рука над зелёной папкой: тонкая кожа у костяшек, короткие ногти без лака. Когда-то он угадывал настроение Аделины по тому, как она держала ручку. Вчера она смотрела на него, а он не мог понять даже, больно ли ей стоять в этих туфлях.

Саша пришёл в половине девятого. Снял шапку, стряхнул с неё мелкие капли и спросил, как всё прошло. Кирилл ответил, что нормально, потом поправился:

— Не знаю. Светка одна осталась.

— У неё кто-нибудь есть?

— Сын в Казани. Приехал, на этой неделе уезжает. Работа.

Саша налил себе чай. Он не знал Андрея, встречал только несколько раз, когда тот приезжал забрать Кирилла. Мог поэтому спросить о простых вещах, не оглядываясь на то, что положено чувствовать.

— С квартирой помощь нужна?

— С книгой.

Кирилл объяснил, стараясь не удлинять. Маршрут, автобусные остановки, расстояния. Может быть, до конца мая. Не каждый день. Он вернётся к ремонту, когда будут перерывы, и возьмёт на себя аренду за этот месяц полностью.

— Не обещай, что вернёшься между делом, — сказал Саша. — Я тогда людей запишу. Лучше скажи, что тебя нет.

Кирилл кивнул. Это было разумно и почему-то задело. Ему нравилось думать, что он успеет и здесь, и там; что отсутствие можно заранее возместить работой, и никто не получит права на него сердиться.

— До конца месяца меня нет. Если освободятся дни, помогу. Но ты на них не рассчитывай.

— Вот так понятнее.

Они постояли возле машины. Потом Саша принёс заказ-наряд, и разговор закончился. Кирилл был благодарен, что напарник не спросил, с кем он собирается ездить. Сам он тоже не сказал.

Прежде чем звонить редактору, Кирилл открыл тетрадь записи клиентов. Саша придвинул себе калькулятор. Они сидели у верстака, на котором лежал снятый кожух, и считали, какие работы можно оставить одному человеку. На некоторых Кирилл поставил крестики, потом

зачеркнул собственные крестики: клиент не обязан был понять, что этим значком обозначено его отсутствие, а не отменённый ремонт.

— Я Григорьеву сам наберу, — сказал он. — Он ко мне записывался.

— Набери. Только не говори, что я посмотрю вместо тебя в тот же день. Там уже занято.

Кирилл провёл пальцем по записи. Работа, которую он считал передаваемой, занимала не только его часы. Саша уже принял машины, рассчитывая на свободный подъёмник. Чтобы оставить всё как прежде, потребовалось бы добавить к помещению ещё одно помещение и нанять человека, которого у них не было.

Первый клиент ответил раздражённо. Он подстраивал под ремонт поездку за город, договорился, что его заберут, и теперь должен был передоговориться. Кирилл объяснил, какие даты возможны, предложил забрать заказанную деталь и обратиться в другую мастерскую. Мужчина выбрал более поздний день. Никаких соболезнований не последовало: Кирилл не говорил, почему меняется запись.

На втором звонке он всё-таки сказал про похороны. Получил сочувствие и разрешение не торопиться. От этого стало неловко перед первым клиентом, которого пришлось убеждать одними сроками. Кирилл закрыл тетрадь, не дойдя до конца списка.

Саша поднялся к чайнику.

— Аренду переведёшь сегодня?

— Да.

Кирилл достал телефон, нашёл реквизиты. Сумма за двоих уменьшила остаток заметнее, чем он ожидал. Он копил на замену оборудования, откладывая каждый месяц понемногу; теперь часть отложенного уходила на то, чтобы его место просто простояло свободным. Саша смотрел в сторону ворот и не предлагал разделить расходы. Кирилл сам назвал условие, и всё же на секунду ему захотелось, чтобы напарник возразил.

Он подтвердил перевод.

— Отправил.

Саша проверил сообщение от банка и убрал телефон. Потом достал из сумки маленькую пластиковую коробку, в которой лежало несколько цветных заколок.

— Дочь оставила. Вчера в машине собирала, я обещал привезти до вечера. Если забуду, напомни.

Кирилл переставил коробку подальше от железа. Он знал Сашу столько лет, а почти не мог представить, как тот вечером выбирает с дочерью заколку. Видел только последствия: ему нельзя задержаться, нужно съездить, надо ответить на звонок. И каждый раз незаметно прикидывал, сколько работы из-за этого останется ему.

— Сегодня успеешь забрать её?

— Если выдачу закончим к пяти.

— Эту машину сделаю до встречи. Остальное завтра обсудим.

Саша открыл заказ-наряд, вернулся к делу. Кирилл ещё раз посмотрел на остаток денег, прежде чем убрать телефон. Он мог позволить себе этот месяц. Ему просто придётся отказаться от покупки, на которую рассчитывал, и никто не будет обязан замечать отказ.

Редактор ответил со второго звонка. Говорил быстро, но без спешки в голосе, будто заранее знал, какие вопросы ему зададут. Назвал адрес, предложил приехать после двух и уточнил, будет ли Аделина. Кирилл сказал, что не знает.

— Она написала мне утром. Спросила, можно ли прислать материалы до встречи. Я отправил оглавление.

Конечно, она уже написала. Кирилл посмотрел на часы и вспомнил, сколько раз раньше начинал разговор с Аделиной, а оказывалось, что она успела выяснить половину нужного. Он принимал это за недоверие к себе. Иногда так и было; иногда она просто просыпалась раньше.

— Приеду в два, — сказал он.

До обеда он закончил с машиной. Хозяин приехал с дочерью лет пяти, и девочка не хотела выходить из-за его ноги, пока Кирилл объяснял, что заменили. В конце она спросила, можно ли потрогать старую деталь. Кирилл показал чистый край, отец взял её на руки. Ничего особенного не произошло. Но, закрыв за ними ворота, он ещё некоторое время думал, что такие пять минут Андрей обязательно описал бы — не ребёнка и не ремонт, а то, как незнакомый человек старается понять устройство чужого дня.

К половине второго Кирилл вымыл руки, переоделся в рубашку, висевшую на гвозде, и понял, что в ней слишком похоже на вчерашнее. Снял её, надел свитер. От этого стало ещё глупее. Он закрыл шкафчик и ушёл, оставив рубашку там, где она висела.

Редакция занимала две комнаты над магазином. На лестнице пахло свежим хлебом, и Кирилл вспомнил, что не обедал. У двери Аделины ещё не было. Вадим оказался моложе, чем представлялось по телефону: тонкая шея, быстрое лицо, большой шрам на подбородке, который он трогал, когда слушал.

— Садитесь. Аделина минут через десять подойдёт.

— Можно я пока про работу?

— Конечно.

Вадим разложил перед ним распечатку маршрута. Не непрерывная линия, а отдельные выходы к берегу, переходы между остановками, места, куда можно доехать и вернуться без ночёвки на улице. Кирилл провёл пальцем по одному участку.

— Здесь после зимы надо смотреть.

— Вот это мне и нужно. Не заверить, что Андрей молодец. Установить, куда человек действительно попадёт.

Кирилл поднял глаза.

— Он не писал непроверенного.

— Писал незавершённое. Это разные вещи.

Вадим выдержал его взгляд. Не спорил из уважения к покойному и не соглашался из той же причины. Кирилл почувствовал, что начинает злиться не на него. На Андрея, который теперь оставил им возможность разговаривать о себе в прошедшем времени и не мог вмешаться.

— Он просил проверить весной, — сказал Кирилл.

— Да. И я хочу выполнить его просьбу. Но у меня небольшое издательство, денег на бесконечную экспедицию нет. Оплатим согласованные поездки и жильё. Работа будет по договору, результат по списку. Если окажется, что половину надо проверять заново, будем сокращать книгу или тираж. Я не обещаю успеть к началу лета.

Кирилл кивнул. Ему нравилась эта непривлекательная честность. На столе лежала тонкая папка с обложкой будущей книги — пока просто название и фотография остановки. Не памятник, не громкое посвящение. Книга, которую мог купить человек, стоящий перед незнакомым расписанием.

Аделина вошла без стука: дверь была приоткрыта. На ней были светлые кроссовки, и Кирилл сразу отвёл взгляд от её ног. Она поздоровалась, села рядом, но придвинула стул так, чтобы смотреть на Вадима.

— Я прочитала оглавление. Там есть раздел с воспоминаниями о первой поездке. Он обязателен?

Вадим не сразу ответил.

— Андрей хотел оставить. Мне кажется, без него книга беднее. Но я ещё не решил, как его редактировать.

— Просто путеводитель и личные записи — разные вещи.

— Да.

— И читатель будет ждать скорее маршрут.

Кирилл смотрел на её руки. Она положила телефон экраном вниз и выровняла его по краю блокнота. Значит, спор был для неё важен. Он знал это движение и не хотел знать.

— Сначала прочитаем, — сказал он.

Аделина повернулась к нему.

— Я и не предлагаю ничего решать сейчас.

Он мог бы ответить, что именно это она и делает, только осторожными словами. Не ответил. На стене за её плечом висела карта области; Андрей когда-то показывал ему похожую и раздражался, что берег на ней выглядит прямым. Кирилл посмотрел на карту, потом снова на Аделину.

— Хорошо. Тогда прочитаем.

Вадим подтянул папку к себе и начал объяснять, что уже готово. Кирилл слушал, отмечая даты и адреса, но часть внимания оставалась на женщине рядом. Они впервые за восемь лет обсуждали общую работу. Аделина время от времени наклонялась над распечаткой, и тогда до него доходил запах её крема — незнакомый, терпкий. Всё остальное он пока узнавал слишком легко.

Глава 3. Чужая строка

Аделина привыкла отличать черновик от текста, который автор уже перестал слышать. В черновике оставались вопросы, случайные повторы, раздражённые замечания самому себе. В окончательном тексте всё это исчезало, иногда вместе с живым голосом. Папка Андрея была ещё полной вопросов. На полях он писал: «Спросить, почему закрыли», «Здесь не обещать», «Не у всех есть машина». Она читала и постепенно переставала следить, как близко к ней сидит Кирилл.

Вадим принёс чай в разных кружках. На её кружке был выцветший рисунок корабля, на Кирилловой — название типографии. Он поставил свою подальше от бумаг. Раньше Аделина сама отодвигала чашки, потому что муж считал свободными все места, где ещё можно было разместить ладонь. Она заметила это изменение с досадной нежностью.

— Оригиналы у Светланы, — сказал Вадим. — Здесь копии. Электронные файлы я вам открою отдельно. Рабочую папку не пересылать дальше и ничего оттуда не выкладывать.

— Конечно.

— Говорю всем. После смерти автора особенно быстро появляются люди, которые хотят помочь публикацией.

Он говорил без подозрения, и всё же Аделина выпрямилась. Ей не понравилось оказаться среди «всех», кому нужно объяснять, что нельзя публиковать чужие бумаги. В следующую секунду она подумала, что сама собиралась вчера сфотографировать заметку Андрея и отправить знакомой. Не публично, только показать. Где для неё проходила граница, она не успела решить.

— Со Светланой права оформлены? — спросила она.

Вадим кивнул.

— Андрей ещё при жизни передал ей исключительное право на этот путеводитель по письменному безвозмездному договору. Мы проверяем приложение, состав рукописи и всё, что он добавил позже. До печати там ещё работа. Она не просто принесла папку и разрешила издавать всё подряд.

— А записи о людях?

— Отдельно. Часть вообще не для книги. И права на его текст не означают, что мы можем без разбора печатать чужие письма или чужую личную жизнь. Я это со Светланой обсуждаю.

Кирилл взял один из листов. Аделина увидела в верхнем углу дату восьмилетней давности и отвела глаза прежде, чем успела прочитать строку. Она не боялась того, что Андрей мог написать. Вернее, не должна была бояться: он знал их обоих, видел, как всё случилось, разговаривал с ней после развода. Если бы считал её виноватой, вряд ли продолжал бы присылать открытки.

Последнюю открытку она вспомнила точно. На ней был пустой пляж и два человека у самой воды, снятые со спины. Андрей написал: «Тут стало тише. Или я выбираю другое время». Аделина ответила фотографией дождя за своим окном. Нормальная переписка двух старых знакомых. Почему теперь ей понадобилось использовать её как доказательство, что он ни на что не обижался?

— Я хочу понимать, что от нас требуется по личной части, — сказала она. — Проверить факты или написать воспоминания?

— Факты. Если ваши воспоминания расходятся с его — отметить. Дальше будем разбираться. Я не собираюсь назначать судью.

— И мы не собираемся, — ответил Кирилл.

Вадим посмотрел на него, потом на Аделину.

— Тогда давайте о маршруте.

Они договорились о первой поездке на послезавтра. Балтийск; переправа, если работает; если нет — не пытаться заменить её неизвестным катером, а проверить материковую часть и вернуться позже. Затем отдельные выезды в Приморск, Янтарный и другие посёлки. Аделина записывала не названия, а вопросы: где ждать автобус под дождём, можно ли оставить вещи, сколько времени занимает возвращение к остановке с берега. Андрей смотрел на поездку изнутри усталого человека. Ей это нравилось больше, чем обещания «открыть край заново», которыми обычно заполнялись присылаемые на перевод буклеты.

Вадим предложил небольшую оплату за работу, предупредил о пределе расходов. Кирилл согласился сразу. Аделина попросила прислать условия письменно. Он не посмотрел на неё, и она не стала оправдываться.

Уходя, они задержались на лестнице. Внизу ещё работал магазин, и Кирилл спросил, не хочет ли она купить что-нибудь поесть. Аделина собиралась вернуться в гостиницу, заказать суп и сесть за перевод, но теперь ей не захотелось уходить сразу.

— Можно. Я с утра только кофе.

— Я тоже толком не ел.

Он сказал это без прежнего упрёка, который она когда-то слышала во всяком его признании голода, усталости или боли. Тогда ей казалось, что от неё ждут немедленного исправления. Сейчас он просто был голоден.

Они купили по пирожку и воду. За соседним столиком женщина разбирала с ребёнком урок; мальчик рисовал в тетради поля шире, чем требовалось, и мать каждый раз возвращала его к началу строки. Аделина наблюдала за ними, пока Кирилл снимал крышку с бутылки. Он поставил воду перед ней, а себе открыл другую.

— Как ты живёшь? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Работаю. Мастерская теперь моя с напарником. Не в том месте, где раньше.

— Я помню, ты говорил, что переедете.

— В итоге переехали.

Она поняла, что помнит разговор девятилетней давности. Для него за этой фразой стояли аренда, ремонт, переезд, люди; для неё — всё ещё обещание будущего, которое не состоялось рядом с ней.

— Квартира та же?

— Нет. Продал после мамы. Сейчас в другом районе.

О смерти матери она знала. Тогда написала соболезнование, Кирилл ответил «спасибо», и больше они не разговаривали. Теперь ей захотелось спросить, долго ли он разбирал вещи, что сделал с большим столом в гостиной, остался ли у него сервиз, который его мать никому не позволяла использовать. Вопросы были слишком домашними для их осторожного обеда.

— А ты? — спросил он.

— В Петербурге. Всё там же.

— Работа?

— Переводы. В основном каталоги, документация. Иногда музейные тексты.

— Тебе нравится?

Она готовилась к другому вопросу: сколько платят, трудно ли находить заказы, удобно ли работать из дома. Вопрос о том, нравится ли, застал её без готовой короткой фразы.

— Иногда. Когда дают время. И когда текст вообще что-то сообщает.

Кирилл кивнул, будто этого было достаточно. Он не попросил объяснить, зачем переводить текст, который ничего не сообщает. Она вспомнила, как раньше он слушал её жалобы на заказчиков, и вдруг не смогла восстановить, что именно отвечал. Помнила собственное раздражение, помнила, что он не понимал. Самих слов не осталось.

— Ты куда потом? — спросил он.

— В гостиницу. Надо поработать.

— Я провожу до остановки.

— Здесь близко.

— Я знаю.

Аделина посмотрела на него. Он сидел спокойно, держа в руках бумажный пакет, и не пытался сделать свою помощь необходимой. Можно было отказаться. Можно было согласиться, ничего не обещая.

— Пойдём.

Они дошли до остановки, не разговаривая. У дороги лежали срезанные ветки; несколько свежих листьев прилипли к мокрому асфальту. Кирилл остановился рядом с расписанием и дал ей самой посмотреть нужный автобус. Только когда она спросила, верно ли поняла направление, подтвердил.

В гостинице Аделина попросила показать другой номер. Администратор провела её на этаж выше, открыла дверь и сразу предупредила: окна выходят к проезду, утром бывает шумно. Аделина подошла к столу. Он был узким, лампа стояла далеко, но под крышкой хотя бы помещались колени. После последних дней она не хотела искать другую гостиницу.

— До конца месяца получится?

— Сейчас посмотрим.

Они вернулись к стойке. Пока администратор проверяла брони, Аделина написала Вадиму. Не стала сообщать, что жильё уже выбрано: перечислила стоимость и спросила, какие ночи он может подтвердить. Ответ пришёл короткий: пока до десятого, дальше они уедут по маршруту; остальное только после плана поездок. Она попросила оставить новый номер до этой даты.

— Оплачивать сейчас?

— Первую. Остальное утром уточните.

Аделина приложила карту. Женщина отдала чек, и вдруг обнаружилось, что никакого человека, который знает за неё, когда нужно возвращаться домой, рядом не будет. Редактор согласует расходы, Светлана даст бумаги, Кирилл поедет на автобусе. Обратный билет всё равно предстояло менять самой.

В номере она позвонила заказчице. Та слушала с дороги: за голосом время от времени щёлкал указатель поворота.

— Видеосвязь двадцать третьего меня устроит, — сказала она. — Но мне нужен полный каталог к встрече. Не образцы страниц.

— Я пришлю основную часть заранее. По приложениям есть вопрос к исходнику, его ещё не ответили.

— Сейчас остановлюсь, подождите.

Аделина ждала, глядя на сумку. Заказчица не спорила с её причинами остаться, но это не делало май свободным месяцем. Они сверили, что именно будет готово, кто отвечает на вопросы по подписям, когда подключится дизайнер. В календаре Аделины появилось несколько занятых утр. Она уже могла представить, как просит Кирилла не назначать на них выезды, и заранее почувствовала потребность доказать, что эти часы действительно нужны.

Закончив разговор, она записала время работы на отдельном листе. Не для предъявления Кириллу. Для себя: поездка занимала всё внимание и грозила оставить от перевода только поздние вечера.

Билет она перенесла на тридцать первое. Доплата была той же, что вчера. На экране появилось подтверждение, и Аделина некоторое время ждала тревоги, которую связывала с этим нажатием. Пришла усталость. Теперь требовалось перенести вещи этажом выше, запастись пластырем и сообщить Нине, что одного визита к растениям не хватит.

Она написала подруге. Нина прислала фотографию её окна: цветок, из-за которого обе беспокоились, стоял в широком блюдце. «Его уже поливала? Земля сырая». Аделина вспомнила, как перед отъездом полила все горшки подряд, и попросила пока ничего не делать с этим. Успела дать указание и тут же сама его исправила.

Наконец она включила чайник, потом сняла обувь. Пятка болела меньше. Открыла присланные файлы, нашла папку с маршрутами и другую, названную просто «Люди». В ней лежало несколько документов. Один назывался «Первый круг».

Аделина нажала на него и увидела своё имя в третьем абзаце.

«Аделина тогда сказала, что не может позволить себе ещё одну неоплаченную правду».

Она перечитала строку. Так она не говорила. Не могла сказать настолько жестоко и настолько красиво. Это было Андреево выражение, его способ подвести итог разговору. Она помнила, как просила дать ей время, как объясняла, что договор уже подписан, что невозможно одним письмом разрушить полгода работы. Он не записал этих объяснений рядом.

Аделина прокрутила документ вниз, но следующего абзаца почти не увидела. Вернулась к строке, выделила её мышью, сняла выделение. Захотелось немедленно написать Вадиму: здесь не цитата, здесь чужой пересказ. Она даже открыла письмо и ввела несколько слов.

Потом остановилась. Если она отправит это сегодня, Вадим получит её первое замечание к книге: не неверный адрес, не закрытый проход, а требование защитить её от одной строки.

Она сохранила письмо в черновиках и вернулась к переводу каталога. Чужие предложения были трудными, зато к ним существовал оригинал, с которым можно было свериться.

Глава 4. Этот берег

На автовокзал Кирилл пришёл за двадцать минут до отправления. Аделина уже стояла у нужной площадки, с небольшим рюкзаком и бумажным стаканом кофе. Он увидел её раньше, чем она его, и успел заметить, как она читает что-то в телефоне: хмурится, возвращается к началу, прижимает стакан к груди. На нём был тёмный след, где кофе перелился через крышку.

— Привет.

Она подняла голову.

— Я тебе взяла, но он уже остыл.

Второй стакан стоял на плоском выступе стены. Кирилл взял его, поблагодарил. Кофе был тёплым, без сахара. Он не знал, помнила ли Аделина, как он пьёт, или просто купила такой же, как себе. Спрашивать не стал.

В автобусе они сели рядом, потому что только там оставались два свободных места. Кирилл убрал рюкзак наверх, Аделина оставила свой на коленях. Он хотел сказать, что в ногах будет неудобно, но промолчал. Дорога начиналась с маленьких отказов от привычки распоряжаться чужим удобством.

Аделина смотрела в окно. Время от времени открывала блокнот и записывала, сколько заняла посадка, где объявили остановку, хорошо ли слышно водителя. Кирилл следил за дорогой. Ему было странно не вести машину: ноги искали работу, рука на поворотах напрягалась, хотя держать было нечего. Андрей настоял бы на автобусе. Нельзя обещать человеку поездку без машины, если сам проверяешь её с багажником, запасом воды и возможностью уехать в любую минуту.

— Ты читал личные главы? — спросила Аделина, не поворачиваясь.

— Не все.

— Я начала после встречи с Вадимом.

Он подождал. Она провела пальцем по запотевшему краю окна и убрала руку.

— Там есть неточные цитаты.

— Он не писал под диктовку.

— Я понимаю. Поэтому и нужно обозначить, что это его память.

Кирилл посмотрел на её профиль. Она заранее подобрала правильное слово — «обозначить», — и теперь ожидала, что он либо согласится, либо выступит против очевидной точности. Ему было знакомо это устройство разговора. Но он и сам умел устроить разговор так, чтобы Аделина оказалась виноватой ещё до ответа.

— Покажешь, что именно?

Она повернулась к нему.

— Позже. Я не хочу сейчас.

— Хорошо.

Он выпил остаток кофе. На дне было холоднее, чем ожидалось. Аделина взяла у него пустой стакан и сунула в свой, чтобы удобнее было выбросить после приезда. Сделала это не глядя, как раньше забирала из его рук билеты, когда он доставал сумки. Кирилл отвернулся к проходу.

У переправы они поняли, что сегодня план придётся менять. Люди стояли небольшими группами и смотрели не столько на воду, сколько на закрытую кассу и объявление. Кирилл уточнил у сотрудника, будет ли рейс позже. Тот ответил, что определённого времени нет: условия не позволяют обещать, нужно следить за сообщениями перевозчика.

Аделина записала ответ почти дословно. Потом спросила, где удобнее проверить информацию человеку, который ещё не выехал из Калининграда. Сотрудник показал на телефоне

страницу. Она сфотографировала название, поблагодарила и отошла, освобождая место другим.

Ветер шёл с воды неровными порывами. Кирилл видел, как Аделина старается удержать блокнот раскрытым, и предложил встать за угол здания. Там она дописала время проверки и подчеркнула: «Не обещать ежедневную доступность».

— Значит, на косу сегодня не попадаем, — сказала она.

— Не попадаем.

— У Андрея дальше старый пеший участок.

— На том берегу. Сегодня его не проверим.

Она кивнула. Он не стал объяснять ещё раз, будто она не понимала, что перед ними пролив. На карте соединение выглядело тонкой чертой, но вода двигалась поперёк этой черты, тяжёлая, с белыми краями волн.

Они отошли к скамейке, где можно было разложить бумаги. Вадим ответил на звонок не сразу. Кирилл рассказал о переправе, предложил остаться на материковой стороне и проверить городской выход к берегу, отмеченный в другой главе. Потом вернуться автобусом; поездку на косу назначить отдельно, когда будет подтверждена работа переправы.

— Только не пытайтесь сегодня закрыть всё сразу, — сказал Вадим. — Запишите, что не проверено. Мне нужна честная пустая клетка.

Кирилл повторил это Аделине. Она впервые за утро улыбнулась — едва заметно, не ему, а самой формулировке.

— Хороший редактор.

Прежде чем уйти от переправы, они проверили, не осталось ли в бумагах ещё одного обещания: вернуться с косы к определённому автобусу. Кирилл нашёл его на следующем листе, обвёл. Аделина держала остальные страницы под ладонью. Ветер пытался вывернуть угол, и она прижала его пустым кофейным стаканом, пока Кирилл убирал телефон.

— У вас расписание? — спросил мужчина, остановившийся рядом.

Кирилл поднял голову. Мужчина был с большой дорожной сумкой и свёрнутой курткой. Он решил, что они знают больше остальных, потому что сидят с бумагами. Кирилл объяснил: у них только старое описание, рейс сегодня не подтверждают. Мужчина выругался вполголоса и отступил, чтобы не мешать.

— Мне не гулять туда, — сказал он. — Меня там ждут.

Кирилл не знал, что ответить. Аделина показала ему, где проверяла информацию. Мужчина посмотрел, кивнул, но телефон доставать не стал. Из его сумки торчала упаковка какой-то длинной детали. Он осторожно поправил её и пошёл к кассе задать тот же вопрос самому.

Кирилл проводил его взглядом. Им с Аделиной было досадно, что сорвался план работы. Можно было выбрать другую главу, поесть, вернуться вечером. У этого человека, судя по лицу, другая глава не предусматривалась. Кирилл сунул обведённый лист под верхний, чтобы не намок, и поднялся.

Возле объявления стояла пожилая пара. Женщина читала текст вслух, мужчина прижимал к груди прозрачную папку с распечатками. Услышав, что они уходят, спросил, далеко ли обратный автобус. Аделина начала объяснять и запнулась на названии улицы. Кирилл достал карту, показал путь. До нужной остановки можно было дойти по обычным городским улицам, не возвращаясь к краю воды. Пара решила идти сейчас, не ждать неизвестного рейса.

Они прошли вместе до первого перекрёстка. Мужчина рассказал, что приехали ненадолго и не хотят проводить весь день у закрытой кассы. Жена возразила: не весь день, они прождали меньше часа. Он ответил, что час тоже жалко. Кирилл слушал, всё время ожидая вопроса, на который придётся отвечать за город или за море, но вопроса не было. Люди спорили между собой, как спорили бы возле собственного дома.

У перехода Аделина остановилась, поправила лямку рюкзака. Мужчина с папкой ушёл вперёд, женщина позвала его подождать. Кирилл видел, как тот раздражённо обернулся и всё-таки вернулся на несколько шагов. Ему стало неловко за своё внимание к ним. Он отвернулся, проверил, на месте ли в боковом кармане аптечка. Взял утром машинально; теперь радовался, что не нужно искать повод, куда деть руки.

После перекрёстка пути разошлись. Пара поблагодарила, женщина махнула Аделине. Кирилл спросил, не хочет ли та перед началом новой проверки зайти погреться.

— Позже. Я пока нормально.

Она сказала это без раздражения. Он принял ответ, хотя ему самому уже хотелось горячего чая. Решил, что попросит об остановке, когда понадобится, а не станет ждать, пока она замёрзнет достаточно для общего решения.

Они пошли по городу. Никакого похода по дикому берегу в этот день не получилось: улицы, переходы, остановка, с которой следовало начинать другой маршрут. Кирилл проверял названия, Аделина спрашивала у женщины в киоске, можно ли купить воду раньше десяти. Женщина объяснила, что работает одна и иногда открывается позже, если надо отвезти мать к врачу. Аделина не стала записывать обещанное время как твёрдое. Вместо этого отметила ближайший магазин.

Постепенно ему стало легче. Они делали конкретное дело, и в нём не требовалось угадывать чужие намерения. Если лестница закрыта — она закрыта. Если дорога до остановки занимает больше, чем написано, можно засечь время заново. Людей это раздражало меньше, чем проверка воспоминаний.

Возле спуска к берегу Аделина остановилась. Внизу шумела вода, наверху ветер срывал капюшон. Она посмотрела на ступени и тихо выдохнула.

— Пятка?

— Натёрла на похоронах. Ничего.

Кирилл достал из бокового кармана рюкзака небольшую аптечку.

— Тут пластырь. Если нужен.

— У меня есть.

— Тогда хорошо.

Он убрал аптечку. Через несколько шагов она сказала:

— Мой отклеился. Можно всё-таки твой?

Сели на низкий бордюр в стороне от прохода. Аделина сняла кроссовку, стянула носок с пятки и поморщилась. Кирилл отвернулся к дороге, держал раскрытую аптечку на ладони. Она взяла салфетку, потом пластырь. Долго пыталась отлепить защитную бумагу, и он спросил:

— Помочь?

— Только открыть.

Он открыл упаковку и отдал ей. Никакой нежности в этом не должно было быть: аптечка, ссадина, холодный ветер. Но он слишком хорошо помнил её ступню, косточку у щиколотки, привычку ставить снятую обувь носками в одну сторону. Память о теле оказалась спокойной и оттого почти невыносимой. Ему захотелось положить ладонь ей на плечо. Он застегнул аптечку обеими руками.

— Я могу спуститься один, — сказал он. — Ты подождёшь.

— Мне нужно понять, как там идти.

— Тогда медленно.

Аделина поднялась, проверила, не натирает ли край пластыря. Они спустились вместе. Кирилл шёл на одну ступень ниже, но руки не подавал, пока она сама не взяла его за предплечье на узком участке. Через несколько секунд отпустила. Он продолжал чувствовать давление её пальцев и старался смотреть под ноги.

У воды было громче. Аделина остановилась на безопасном расстоянии от мокрого края и долго смотрела вдоль берега. Кирилл ничего не сказал. Андрей любил приходить к морю, когда другие уже хотели в кафе; утверждал, что только тогда человек начинает замечать, куда приехал. Кирилл раньше считал это красивым оправданием его медлительности. Сейчас впервые не торопился.

— Он ведь и один сюда ездил, — сказала Аделина.

— Часто.

— Я всё думаю о нашей поездке. А у него их были десятки.

Кирилл кивнул.

Ему хотелось сказать, что Андрей жил не только их ссорой. Что последние годы у него были друзья, работа, женщина, с которой он расстался без участия Кирилла и Аделины; что он мог радоваться хорошему супу и злиться на сорванную встречу, не сверяясь с тем, что случилось восемь лет назад. Но Аделина, кажется, сама только что это поняла. Он не стал отнимать у неё эту мысль объяснением.

На обратном пути они зашли поесть. Стол возле окна шатался, и Кирилл машинально придерживал его коленом, пока Аделина писала. Она заметила, перестала и закрыла блокнот.

— Давай сначала поедим.

Он согласился. Суп был горячим, хлеб свежим, и они оба проголодались сильнее, чем думали. Несколько минут разговора не требовалось. Кирилл ел, слушал, как Аделина размешивает чай, и чувствовал усталость в ногах, непривычную после работы в мастерской. День получился не таким, как планировали, но он был прожит. Вечером можно было вернуться каждый к себе, не объясняя этого другому.

Когда они вышли к остановке, Аделина спросила:

— Ты бы тогда поехал, если бы я не попросила остаться?

Кирилл остановился. Мимо прошла женщина с пакетом, задела его рюкзак и извинилась. Он отступил, пропуская её, и только потом посмотрел на Аделину.

— К Андрею?

— Да.

Он мог ответить «конечно». Этот ответ годами был приготовлен у него, достаточно было достать. Но рядом стояла Аделина, не прежняя, а сегодняшняя, с мокрым краем брюк и больной пяткой, и Кирилл вдруг понял, что хочет сказать правду хотя бы в том размере, который сейчас выдержит.

— Не знаю. Я и сам не хотел ехать на тот разговор.

Автобус показался из-за поворота. Аделина кивнула, будто записала ещё один факт, и пошла к краю площадки. Кирилл последовал за ней, не зная, услышала ли она в его ответе то, что он наконец сумел произнести.

Глава 5. Вещи для дороги

В автобусе Аделина заснула. Не собиралась: хотела записать, сколько времени занял обратный путь, сверить замечания, наконец показать Кириллу спорную строку. Но тепло постепенно добралось до ног, автобус покачивало, и она перестала различать отдельные звуки. Проснулась от того, что голова соскользнула набок.

Кирилл сидел рядом неподвижно. Между ними лежал её рюкзак, который она, должно быть, сама сняла с колен, хотя не помнила этого. Он смотрел вперёд и держал в руке телефон с выключенным экраном.

— Долго я спала?

— Минут двадцать.

— Надо было разбудить.

— Зачем?

Она не ответила. Никакой причины не было, кроме привычного желания сохранить себя собранной рядом с ним. Аделина взяла рюкзак, проверила, закрыта ли молния. В нём всё оставалось на месте: блокнот, кошелёк, запасная кофта, сложенный лист с телефонами. Она вдруг почувствовала, до какой степени устала за последние дни. Не от ходьбы. От того, что приходилось одновременно помнить умершего друга, разговаривать с бывшим мужем и работать так, будто ничего из этого не происходило.

Возле автовокзала они попрощались. Кирилл спросил, напишет ли она Вадиму про доступ к информации о переправе; она сказала, что напишет вечером. Затем он постоял ещё секунду, как будто хотел спросить о чём-то другом, и ушёл к остановке. Аделина смотрела ему вслед, пока не заставила себя повернуться.

В гостинице она долго не могла снять рюкзак: в одной руке была карточка от номера, в другой — пакет с купленными по дороге продуктами. Пакет поставила на пол, карточку уронила следом и рассердилась так сильно, что села на кровать, не разуваясь. Потом всё-таки сняла кроссовки. Пластырь держался.

Номер был достаточно удобным для ночёвки и совершенно неудобным для жизни. Стол узкий, лампа слишком далеко, розетка за тумбой; чтобы зарядить ноутбук, приходилось передвинуть стул и протянуть провод поперёк прохода. В Петербурге она знала каждую мелочь своей квартиры: где не скрипит пол, какая чашка помещается под краном, куда поставить хлеб, чтобы не высох. Здесь всё требовало небольшого решения. Она привыкла считать себя человеком, которому легко менять места, и теперь понимала, что давно этого не проверяла.

Рабочее письмо пришло ещё днём. Заказчица спрашивала, сможет ли Аделина раньше отдать первую часть каталога: дизайнер освободился на несколько дней. Вопрос был вежливым, просьба разумной. Обычно Аделина ответила бы, что постарается, а затем работала ночью, сердясь на то, что на неё опять давят. Сейчас она посмотрела на свои грязные брюки, на пакет у двери и написала: «Смогу прислать готовые страницы в согласованный срок. Раньше — только часть, ещё не вычитанную. Для верстки её брать не советую».

Ответ пришёл через пять минут: «Тогда ждём по плану. Спасибо, что предупредили».

Аделина перечитала его несколько раз. Ничего не рухнуло. Её не заменили, не обвинили в непрофессионализме. Это не доказывало, что восемь лет назад случилось бы так же. Тогда контракт был другим, люди были другими, на счету оставались совсем другие деньги. И всё же ей стало неприятно от того, с какой готовностью она начала искать различия.

Светлана позвонила, когда Аделина уже разложила еду на гостиничной тарелке.

— Вы вернулись?

— Да. Не переправились, но проверили часть на этом берегу. Кирилл тебе не писал?

— Писал. Я хотела услышать.

Аделина отложила вилку.

— Всё нормально. Мы не стали ждать неизвестно сколько. Вадим согласовал.

— Я не проверяю вас, Ада.

Так её называли только несколько человек. Андрей — всегда; Светлана — когда забывала об осторожности. От этого короткого имени номер на секунду перестал быть чужим.

— Я знаю.

— Завтра у меня сын уезжает. Потом можно тебя попросить зайти? Не обязательно надолго.

— Конечно. Во сколько?

Светлана сказала, что после обеда. Нужно разобрать вещи для поездок: Вадим просит старые карты, а она никак не найдёт. Аделина пообещала прийти и ещё некоторое время держала телефон в руке после окончания разговора. Ей хотелось, чтобы Светлана позвала её не только потому, что нужна помощь. И стыдно было желать подтверждения любви от человека, потерявшего брата.

На следующий день она отработала утро, отправила переведённые страницы коллеге на обычную сверку терминов и поехала к Андрею. Дверь открыла Светлана в домашней кофте. Без пальто она казалась ниже. В коридоре стоял раскрытый чемодан сына; он уже уехал, чемодан оставил матери — сказал, что пригодится, когда соберётся приехать к нему.

— Я пока не могу, — сказала Светлана, заметив её взгляд. — Он понимает. Просто оставил.

Аделина сняла обувь. В комнате возле книжного шкафа стояли три коробки. На одной было написано «Не отдавать», на другой — «Спросить», третья оставалась без надписи. Они сели на пол, и Светлана вытащила из первой коробки моток верёвки, ржавый карабин, старый дождевик.

— Вот это всё куда? Он говорил, ещё хорошее.

Аделина взяла дождевик. В одном месте прозрачная ткань побелела от сгиба, возле кнопки была маленькая дырка.

— Можно оставить для грязной работы.

— Для какой?

Они посмотрели друг на друга. Аделина положила дождевик обратно.

— Не знаю. Я сейчас просто не хочу выбрасывать.

Светлана кивнула.

— Я тоже.

В дверь позвонили. Светлана вытерла руки о колени, пошла открывать. Вошёл незнакомый мужчина с плоской тканевой сумкой. Сказал, что договаривался забрать штатив, и сразу добавил: не обязательно сегодня, он просто был рядом.

Аделина поднялась, освобождая проход между коробками. Штатив стоял за шкафом, она заметила его раньше, но мужчина, которого Светлана назвала Виктором, указал на чёрный чехол у стены.

— Тот Андреев. Мой меньше.

Он расстегнул чехол, показал Светлане потёртую наклейку на ножке. Объяснял тщательно, как будто его подозревали в краже, хотя никто ничего подобного не сказал. Светлана попросила подождать и раскрыла блокнот.

— Андрей писал, что тебе надо вернуть. Только здесь ещё удлинитель.

— Удлинитель не мой. Это я ему принёс насовсем.

Светлана зачеркнула строку, не отрывая от неё взгляда. Виктор убрал штатив в чехол. Он явно торопился, но уйти сразу после получения вещи было неудобно. Спросил, нужна ли помощь, и Аделина уже хотела сказать, что они справляются. Светлана ответила раньше:

— Внизу две коробки с газетами. Если можешь, донеси до контейнера. Там точно ничего не нужно.

Виктор снял куртку, прислонил штатив к стене и понёс первую коробку. Аделина взяла вторую. На лестнице он предложил перехватить её ношу, но она попросила только открыть дверь. Картон прогибался снизу, приходилось держать обеими руками.

На улице Виктор сказал:

— Я ему этот штатив полгода собирался напомнить. Всё думал: надо будет мне, тогда и заберу.

Аделина ждала воспоминания об Андрее, а он продолжил про поездку, на которую теперь собирался, про съёмку школьного выступления внучки. Штатив понадобился для живых людей, уже назначивших время и место. Виктор оборвал себя на слове «выступление».

— Извините. Не о том я.

— О том, — сказала Аделина. — Он бы отдал.

Она не знала, зачем решила за Андрея; просто захотела снять с мужчины эту неловкость. Виктор кивнул, сложил пустую коробку и повёз её ребром в прорезь контейнера. Вторую пришлось надорвать по шву. Аделина придержала мокрый картон, испачкала ладонь и не стала вытирать её о брюки.

Наверху они вымыли руки. Светлана предложила чай, Виктор отказался: его ждали. У порога он ещё раз спросил, может ли зайти на следующей неделе за оставшимися газетами. Светлана сказала, что позвонит, если понадобятся руки.

Когда дверь закрылась, Аделина увидела рядом со шкафом пустое место, которое только что считала занятым Андреевой вещью.

— Я бы, наверное, никому ничего не отдала, — сказала она.

— Я сегодня утром хотела попросить его оставить до лета. Зачем — не знаю. Это даже не братово.

Светлана свернула чехол от старого дождевика. Потом развернула, вложила дождевик внутрь и положила в коробку без надписи. Аделина села рядом с ней на пол. За то время, пока они относили газеты, солнце ушло с ковра, и на этом месте стало прохладно.

После этого стало легче. Они перестали делать вид, что существует правильный способ быстро разобрать чужую жизнь. Оставляли то, с чем не могли расстаться, откладывали сомнительное, выбрасывали только очевидный мусор. В одном кармане нашёлся чек за батарейки, в другом — фантик, сплющенный до толщины бумаги. Аделина разгладила его, узнала конфеты, которые Андрей покупал в дорогу, и неожиданно заплакала.

Светлана не обняла её сразу. Подвинула коробку, чтобы можно было поставить ноги удобнее, и села рядом. Аделина плакала без мысли о том, как выглядит. У неё текло из носа, и она вытирала лицо бумажной салфеткой, пока та не начала расползаться. Всё, что на похоронах осталось недоступным за чужими словами и необходимостью держаться, пришло теперь из мятого фантика.

— Он мне осенью звонил, — сказала она, когда смогла говорить. — Хотел приехать. Я сказала, у меня ремонт в ванной. Потом ремонт закончился, а я так и не позвала.

Светлана смотрела на её руки.

— Он собирался ко многим. Не ко всем доехал.

— Я могла позвонить.

— Могла.

Аделина ждала продолжения: что не надо себя винить, что никто не знал. Светлана не продолжила. Это было больно, но после не требовалось спорить с утешением, которому всё равно не веришь.

Они посидели молча. Потом Светлана встала, принесла воду и новую пачку салфеток. Карты нашлись в нижнем ящике стола, под скатертью и запасными наволочками. Андрей уби-

рал их туда, чтобы большие листы не сгибались. Между картами лежала тонкая тетрадь в клетку, исписанная карандашом.

— Это можно? — спросила Аделина.

Светлана посмотрела первую страницу.

— Рабочая. Возьми пока. Только сфотографируй перед тем, как понесёшь, чтобы ничего не потерялось.

Они сняли каждую страницу на телефон Светланы и отправили копии Вадиму в закрытую рабочую папку. Аделина помнила его предупреждение. Оригинал положила в отдельный прозрачный пакет, который нашёлся у Светланы в ящике. На обложке стояло название маршрута и год их первой поездки.

Уже у двери Светлана спросила:

— Вам трудно вместе?

Аделина держала тетрадь под мышкой и не могла спрятать руки в карманы.

— Иногда. Пока не так, как я думала.

— Я не хотела вас сводить.

— Я знаю.

— Правда. Мне не до этого.

Аделина кивнула. Светлана имела право не интересоваться их возможным счастьем, и от этого её просьба стала понятнее, спокойнее. Не последняя воля Андрея, не хитрое устройство судьбы. Работа, которую два живых человека могли сделать, если захотят.

На улице Аделина написала Кириллу, что нашла старую тетрадь. Он ответил: «Завтра посмотрим?» Она написала: «Да» — и не стала добавлять объяснений. Впереди была гостиница, ещё несколько страниц перевода и ужин, который следовало купить до того, как она снова устанет. Аделина убрала телефон и пошла к магазину. Тетрадь в рюкзаке лежала между ноутбуком и кофтой; впервые за эти дни она точно знала, что несёт с собой.

Глава 6. На полях

Кирилл нашёл их старую фотографию между страницами тетради. Точнее, полоску фотографии: Андрей обрезал снимок, оставив три фигуры у автобусной остановки. Аделина стояла в середине, держала бутылку воды и смотрела на Кирилла. Он был занят чем-то за пределами кадра. Андрей, вытянув руку с камерой, попал в снимок только наполовину.

— Не помню, чтобы он это печатал, — сказала Аделина.

Они сидели в кафе рядом с её гостиницей. Кирилл приехал на полчаса раньше договорённого и уже успел выпить кофе. Теперь заказал второй, чтобы не сидеть с пустыми руками, пока она завтракает. Аделина принесла тетрадь в прозрачном пакете и сначала спросила у официантки, можно ли протереть стол насухо. Официантка принесла салфетку и больше не подходила.

На первых страницах были расходы: билеты, вода, ночёвка. Кирилл узнавал суммы, хотя давно забыл, сколько тогда что стоило. Дальше шли зарисовки остановок, телефоны людей, обещавших открыть музейную комнату или показать старый спуск. Возле имени Надежды Лавровой Андрей нарисовал маленькую звёздочку.

— Она ещё там? — спросила Аделина.

— Кажется, да. Андрей с ней разговаривал зимой.

— Нужно позвонить.

Кирилл сфотографировал номер. Потом перевернул страницу и увидел запись, которую помнил раньше, чем прочитал.

«К. забрал снимки. Сказал, пока не будем обострять. А. просила её не упоминать. Мне предложено отвечать одному за то, что видели втроём».

Аделина перестала есть. Он чувствовал её взгляд и не поднимал головы. Почерк у Андрея был злой: сильный нажим, строчки уходили вверх. Кирилл помнил этот вечер. Они сидели в тесном номере, из окна тянуло влажным воздухом, Аделина разговаривала по телефону, повернувшись к ним спиной. У неё на следующий день должна была быть встреча с представителем компании, которая заказала ей большой перевод. Кирилл забрал карту памяти из фотоаппарата и сказал Андрею, что вернёт утром. Утром не вернул.

На снимках был закрытый спуск, поваленное ограждение и размытая тропа. Коммерческий организатор всё равно хотел оставить участок в рекламной схеме. Не для самостоятельного прохода, говорил он, там потом будет проводник. Андрей требовал убрать обещание уже сейчас: проводника ещё не было, ограждение не восстановили, а буклет собирались отдавать в печать. Разговор сначала шёл о безопасности, потом — о деньгах, затем быстро превратился в спор о том, кто имеет право задерживать чужую работу.

Кирилл тогда думал, что можно переждать. Отдать снимки позже, когда у Аделины будет подписано дополнение к договору и она получит аванс. Никто не обязан был пострадать из-за двух дней молчания. Он до сих пор мог восстановить это рассуждение целиком, вместе с той уверенностью, с которой оно показалось ему разумным.

— Ты забрал снимки? — спросила Аделина.

— Да.

— Я думала, он сам не отправил.

Кирилл поднял глаза.

— Я тебе говорил.

— Ты говорил, что договорился.

— Это и было…

Он остановился. Официантка прошла мимо с подносом; рядом кто-то двигал стул. Кирилл подождал, пока шум утихнет, хотя он не мешал говорить. Нужно было время, чтобы не закончить фразу привычным образом.

— Я забрал карту, — повторил он. — Хотел отдать после твоей встречи. Андрей требовал её сразу. Мы поссорились.

Аделина отодвинула тарелку.

— Почему ты не сказал мне именно так?

— Потому что ты сказала, что не выдержишь ещё одного разговора с ним.

Он увидел, как изменилось её лицо, и сразу понял, что опять сделал: нашёл точное чужое действие и поставил перед своим. Теперь можно было ждать, что она начнёт оправдываться, и спор пойдёт по знакомому кругу.

— Это не ответ, — сказал он прежде, чем она успела заговорить. — Я не сказал, потому что не хотел. Хотел, чтобы всё уже закончилось.

Аделина смотрела в тетрадь. На полях Андрей дописал другое число, номер автобуса, какую-то фамилию. Жизнь на странице не остановилась возле обвинения; он писал дальше. Кириллу от этого было хуже, чем от самой строки.

— А потом ты вернул?

— Через неделю. Копию. Оригинал карты оставил у себя.

— Он мне сказал, что материал не успели приложить.

— Да.

Она закрыла тетрадь, но пальцем оставила нужную страницу.

— Я помню иначе.

— Я тоже многое помнил иначе.

Кирилл не сказал, что её собственная фраза записана там рядом. Не хотел сейчас пользоваться ею. Вчера вечером, когда Аделина написала о тетради, он испытал почти радость: найдётся что-то, что подтвердит его версию. Теперь подтверждение лежало перед ним, и лучшего человека из него не делало.

Они ещё долго сидели в кафе. Аделина доела остывший завтрак, Кирилл выпил кофе. Разговор не возобновлялся, но никто не пытался уйти первым. Когда пришёл счёт, каждый заплатил за себя. Он не предложил оплатить всё, хотя раньше сделал бы это машинально — как будто деньгам полагалось исправлять неудобство, созданное словами.

На улице Аделина спросила, сохранились ли у него фотографии. Он сказал, что посмотрит дома.

— Только не выбирай сам, какие нам нужны.

Кирилл почувствовал раздражение. Хотел ответить, что не собирается ничего скрывать, что она могла бы хотя бы теперь не говорить с ним таким тоном. Вместо этого кивнул.

— Пришлю папку целиком. Если найду.

После кафе они должны были ехать в Приморск. Аделина предложила перенести поездку на завтра: ей нужно закончить рабочий фрагмент и позвонить Надежде. Кирилл согласился. Он мог бы настоять на плане, но понял, что тоже не сможет сегодня спокойно ходить рядом и делать вид, будто между ними выяснилась только техническая подробность.

Дома он достал с верхней полки старый ноутбук. Зарядное устройство нашлось в коробке с проводами; компьютер долго не включался, потом зашумел так громко, что Кирилл присел рядом, прислушиваясь. На рабочем столе оставались папки, которые он не открывал несколько лет. В одной была музыка Аделины. В другой — документы на проданную квартиру. Он искал фотографии по датам и старался не нажимать лишнего.

Нужная папка нашлась на внешнем диске. Снимков было больше, чем он помнил. Не только спуск и ограждение: Аделина в автобусе, Андрей с пакетом черешни, тёмное окно комнаты, в которой они прожили три ночи. Кирилл открыл один снимок. Аделина сидела на кро-

вати, поджав ногу, и читала распечатку перевода. Рука держала лист у самого края, чтобы не закрыть текст; на запястье был след от резинки для волос. Он помнил, как хотел тогда к ней подойти. Помнил, что не подошёл, потому что она работала. Потом обижался, что она не заметила, как он оставил её в покое.

Он закрыл фотографию. Создал копию всей папки, отдельно отметил, что в ней есть личные снимки и их не следует передавать в редакционную часть без обсуждения. Аделине отправил доступ к полной копии. Вадиму — только сообщение, что нашлись материалы прежней проверки, которые они сначала разберут по принадлежности и назначению.

После отправки он не закрыл папку сразу. Проверил, не попала ли в неё ещё одна копия тех же снимков, сделал себе короткую запись, откуда что взял. Восстановление дат требовало скучной осторожности: время копирования не было временем съёмки, название папки могло относиться ко всей поездке, а не к отдельному дню. Кирилл помнил, что переставлял файлы с компьютера на компьютер. Память об этом была надёжнее памяти о том, какую дату поставил.

Среди кадров нашлась короткая последовательность у остановки. Андрей наводил камеру на стенд, Кирилл попал в край снимка, потом на следующем уже смотрел в объектив. Между двумя кадрами, вероятно, прозвучала шутка: на втором он улыбался широко, запрокинув голову. Он увеличил лицо и почти сразу уменьшил обратно. Неприятно было видеть себя таким беззаботным в день, который давно вспоминал только через спор.

Кирилл встал, налил воды. Старый ноутбук шумел, на экране тянулась полоска завершения копирования. Он дождался конца, проверил число файлов. От этого подсчёта не становилось легче, но хотя бы можно было закончить конкретное действие и больше не сомневаться, всё ли отправлено.

В другой папке лежали фотографии мастерской того времени: первое помещение, старая вывеска, Саша возле верстака. Кирилл остановился на снимке, где они вдвоём держали тяжёлый стол. Третий человек снимал, значит, помогать ему не приходилось; Кирилл попытался вспомнить кто. Не смог. На стене позади них висел календарь, из которого можно было установить месяц. Он посмотрел на него и заметил, что исследует собственную жизнь так же, как Андрей собирал чужие рассказы: по фону, по случайно оставленному предмету.

Снимок мастерской он отправил Саше отдельно, не добавляя объяснений про утренний разговор. Напарник ответил минут через десять: «Стол тот ещё жив. А вот спина уже не та».

Кирилл засмеялся. Потом Саша позвонил.

— Ты чего архив разбираешь?

— Фотографии понадобились. По книге.

— Нашёл?

— Да.

— На том снимке нас Вера снимала. Помнишь, она ещё сказала, что мы стол неправильно несём?

Кирилл вспомнил голос, но не фразу. Саша рассказал: они не хотели снимать ящики, считали, что это дольше. Один выдвинулся на лестнице, стол чуть не выронили. На фотографии всё выглядело аккуратно, почти торжественно. За кадром лежал вытащенный наконец ящик.

— Пришли ещё, если есть. Только не сегодня все подряд, я работаю.

— Вечером посмотрю.

Саша попрощался, не спросив про Аделину. Кирилл оставил снимок на экране. Всякий раз, когда он вспоминал начало мастерской, там были деньги, которых не хватало, работа по вечерам, собственное упрямство. Саша помнил выдвижной ящик и жену с фотоаппаратом. Оба рассказа помещались в один день, не отменяя друг друга.

Он выбрал ещё два кадра для напарника и отложил отправку до вечера. Вернулся к папке поездки. От Аделины пришло короткое подтверждение, что копия открылась. Кирилл ответил: «Хорошо». Не спросил, что она уже посмотрела. Сесть рядом и следить, как она открывает

каждую фотографию, было бы невозможно; телефон давал такую же возможность на расстоянии, и он убрал его экраном вниз.

Затем Кирилл позвонил Светлане. Она спросила, поел ли он, и он неожиданно ответил честно: нет, только пил кофе.

— У меня суп, — сказала она. — Если хочешь, приезжай.

Он хотел отказаться, чтобы не нагружать её. Потом вспомнил, что Светлана сидит в квартире брата одна и, возможно, зовёт его не из обязанности кормить. Купил хлеб по дороге и приехал.

Они ели на кухне. Светлана не спросила про Аделину. Рассказала, что сын добрался, что одну коробку с книгами заберёт библиотека, а остальные пока остаются. Кирилл слушал и подливал ей воду из чайника. После еды он вымыл посуду, а она вытерла стол. Простая работа заняла немного времени; ни у кого от неё не стало меньше горя, но вечер перестал быть пустым.

Глава 7. У открытого окна

Надежда Лаврова попросила прийти не к двенадцати, а к одиннадцати. Аделина увидела сообщение уже в автобусе и сначала решила, что они не успеют. Потом посмотрела время прибытия, пересчитала путь от остановки и поняла, что успеют, если не станут искать место для кофе. Раньше она предложила бы Кириллу поторопиться ещё до того, как возникла необходимость; теперь просто показала сообщение.

— Дойдём, — сказал он.

В Приморске они вышли с другими пассажирами и некоторое время стояли у дороги, сверяясь с адресом. Дом Надежды оказался не там, где Аделина его помнила. Тогда они встречались в небольшой комнате при библиотеке; сейчас женщина принимала у себя и заранее предупредила, что ничего специально показывать не будет — только бумаги, которые успеет достать.

Дверь открылась прежде, чем Кирилл нажал на звонок. Надежда была в брюках и белой блузке, поверх которой накинула старую кофту. В одной руке держала очки, другой придерживала дверь.

— Заходите. Только обувь можно не снимать, я всё равно мыть буду.

Аделина сняла. Кирилл последовал её примеру. В комнате у окна стоял стол с папками, а на полу — две дорожные сумки. Надежда заметила, куда смотрит Аделина.

— Дочь приезжала. Завтра за сумками вернётся. У меня теперь всё по частям: сначала люди, потом вещи.

Она не улыбнулась, и Аделина не стала отвечать улыбкой. В голосе была усталость человека, которого часто считают свободным только потому, что он вышел на пенсию.

Чай Надежда предложила сразу, но предупредила, что в половине второго уйдёт. У неё запись, переносить не будет. Они согласились. Кирилл достал блокнот, Аделина — Андрееву тетрадь. Увидев её, Надежда провела пальцем по обложке.

— Он всё ещё этим пользовался?

— Светлана нашла среди карт.

— У него записано, что здесь была лавка с навесом. Уже нет. Убрали в прошлом году. Так что если он советует там ждать дождь, исправьте.

Надежда раздвинула папки, чтобы освободить середину стола. Из одной выпал лист с напечатанными крупным шрифтом именами. Она быстро перевернула его и убрала под обложку.

— Это не ваше. Про людей, которых ещё можно спросить. Я собирала для другой работы.

Аделина убрала телефон: уже потянулась снимать стол вместе с разложенными бумагами. Надежда заметила движение, но ничего не сказала. Достала фотографии здания, о котором они спрашивали, и положила перед ними ровно три.

На первом снимке возле входа стояла группа женщин. Аделина узнала молодую Надежду, хотя та тогда носила короткую стрижку. В руках у неё была широкая стопка книг, прижатая к животу.

— Это вы?

— Я. После переезда библиотеки. Андрей приезжал помочь, но в тот день до нас не добрался. Машина у него сломалась.

Кирилл поднял голову, будто хотел уточнить, какая. Надежда продолжила, не давая рассказу свернуть к отсутствующему мужчине:

— Мы сами всё перенесли. Потом у него в заметке появилось, что жители охотно откликнулись. Жители откликнулись, только никто им не объяснил, сколько там коробок. Мы до ночи носили.

— Это нужно исправить? — спросила Аделина.

— А он оставил?

Она нашла абзац в рабочей копии, повернула экран. Надежда читала медленно, наклоняясь ближе, потом попросила увеличить буквы. Аделина увеличила. В тексте переезд занимал два предложения. Ни одно не было прямо неверным, но несколько женщин, которые виднелись на снимке с мокрыми от работы волосами, исчезли за словом «помощь».

— Я его об этом просила, — сказала Надежда. — Он отвечал: не могу же я перечислить всех. А я не всех просила. Хотя бы сказать, что библиотекари сами перевозили фонд, а не только дверь открыли.

Аделина записала её замечание. Поймала себя на желании немедленно предложить хороший вариант фразы, который устроит всех. Но Надежда не просила её исправить Андрея за одну минуту.

— Вы покажете это Вадиму?

— Да. Сначала сверим, не сделал ли Андрей другой вариант. Потом редактор пришлёт вам, что получилось.

Надежда посмотрела на фотографию, поправила угол.

— Я, может, опять сержусь из-за давнего. Он мне столько помогал потом. Но каждый раз вспоминаю, как мы с Галиной не могли шкаф сдвинуть, а он по телефону говорит: найдите мужчин.

Кирилл ничего не ответил. Аделина тоже промолчала. На снимке рядом с Надеждой женщина в светлом платье держала дверь плечом, освобождая другим проход. Аделина не стала спрашивать, Галина ли это: для подписи личные имена пока не требовались.

В соседней комнате зазвонил телефон. Надежда вышла, закрыв за собой дверь не до конца. Слышно было, как она отказывается отвезти оставленные сумки: дочь обещала забрать сама, теперь пусть приезжает после работы. Разговор продолжался долго, с паузами. Аделина отвела глаза от папок, посмотрела в окно. До половины второго оставалось всё меньше времени, и ей хотелось мысленно вычесть этот звонок из чужого дня.

Надежда вернулась и снова села за стол.

— Продолжим. Что вам нужно сначала?

Аделина подвинула к ней список, отметила три самых важных вопроса. Не стала просить отвечать быстрее. Кирилл убрал со стола свою сумку, чтобы хозяйке не приходилось каждый раз тянуться через неё к снимкам.

Они начали с простых вещей. Как попасть от остановки к нужному повороту, где безопаснее перейти дорогу, что осталось от старого здания, которое Андрей описывал в черновике. Надежда показывала снимки и спорила с отдельными подписями. Не всё, что он рассказывал, было верно. В одном месте перепутал год, в другом приписал семье историю соседей. Аделина записывала замечания и чувствовала странное облегчение: Андрея можно было поправлять. Его смерть не превращала каждый лист в неприкосновенную истину.

— Вы ему говорили? — спросила она про неверную подпись.

— Конечно. Он обещал исправить. Может, исправил в другом файле. У него всегда было по три начала.

Кирилл отложил один снимок отдельно.

— Вадиму покажем. Не станем править по памяти.

Надежда кивнула и вышла поставить чайник. Аделина посмотрела в открытое окно. Во дворе мужчина снимал с верёвки бельё, складывая каждую вещь прежде, чем положить в таз. Из соседней комнаты доносилось негромкое радио. Здесь продолжался обычный день, и её прежняя поездка была только одной из многих историй хозяйки.

— Я тогда думала, что она нас запомнила навсегда, — сказала Аделина.

Кирилл посмотрел на неё.

— Почему?

— Не знаю. Мы приехали, Андрей всех познакомил… Мне казалось, мы делаем что-то большое.

— Для нас делали.

Надежда вернулась с чашками. Поставила сахар, печенье, тарелку нарезанного сыра. Аделина начала помогать и чуть не пролила кипяток, потому что взяла чайник за горячую часть ручки. Кирилл придержал блюдце, на которое она торопливо поставила чашку. Надежда отодвинула бумаги подальше.

— Андрей тут однажды чай на всю карту вылил, — сказала она. — Потом сушил на верёвке. Я ему говорю: копию сделаем. Он: там карандашом важное. Так и висело у меня, пока не высохло.

Аделина вспомнила волнистый край одной из карт в ящике. У этой неровности оказалась обычная причина, не буря, не поход, не отчаянная работа в тяжёлых условиях. Она почему-то была рада этому больше, чем красивому воспоминанию.

Разговор вернулся к старой поездке, когда Надежда достала папку с печатными материалами. Среди листов лежал тонкий буклет компании «Западный маршрут». Аделина узнала макет раньше, чем прочитала название: широкие белые поля, зелёная линия вдоль берега, две колонки русского и немецкого текста.

Её перевод.

На обороте стояло имя координатора, рядом — благодарность участникам подготовки. Андрея в списке не было. Имя Аделины было.

— Я думала, это так и не вышло, — сказала она.

Надежда посмотрела на неё поверх очков.

— Небольшую партию печатали. Потом переделали. Мне дали несколько штук на встрече.

Кирилл взял буклет, раскрыл на середине. Аделина знала, что он ищет. Тот самый участок был обозначен общей линией, без объяснения, как пройти. В немецком тексте стояло слово, которое она выбрала после долгого спора с координатором: «прибрежная прогулка». Не «тропа», не обещание свободного прохода. Она добилась этой мягкой формулировки и считала, что сделала всё возможное.

После фотографий закрытого спуска, которые прислал Кирилл, мягкость слова выглядела иначе.

— Андрей просил не печатать этот разворот, — сказала Надежда.

— Я знаю, — ответил Кирилл.

Аделина перевела взгляд на него. Он не смотрел на неё и не торжествовал. Просто держал буклет двумя руками, чтобы не порвать уже надломленный сгиб.

— Он потом принёс мне свои замечания, — продолжала Надежда. — Хотел, чтобы я отвезла на собрание. Я отвезла. Но его там уже ждали как человека, который опять всё задерживает.

— Кто ждал?

Надежда назвала несколько фамилий. Аделина помнила одну: координатор проекта, от которого зависел её контракт. Он говорил спокойно, всегда находил возможность похвалить её перевод перед тем, как попросить убрать неудобную оговорку. Она не считала его плохим человеком. Он и сейчас, возможно, не был плохим во всём. Это только мешало понять собственное поведение.

— Вы выступили? — спросила она.

— Я передала бумаги. Выступать за него не могла: я на том участке не была. И сказала это сразу.

Надежда убрала очки в футляр, затем снова достала: ещё нужно было найти страницу. Время подходило к часу. Аделине хотелось попросить её остаться, отложить запись, вспомнить всё подробно, но она видела собранную сумку на стуле и понимала, что их прошлое не даёт права занять весь чужой день.

— Можно снять буклет? Для сверки, не для публикации.

— Можно. Только подписи потом не отрежьте, когда будете сравнивать. А то получится, будто никто ничего не делал.

Аделина сфотографировала все развороты, включая последний. На экране её имя оказалось мелким, но отчётливым. Она проверила резкость и сохранила снимок.

Перед уходом Надежда сказала, что у неё должны быть письма по тому проекту. В папке или на старой почте; сразу не найдёт. Если понадобится, посмотрит на следующей неделе.

— Не специально для нас, — начала Аделина.

— Специально и посмотрю. Иначе зачем мне туда лезть? Только не завтра.

На улице они некоторое время шли молча. Кирилл предложил сперва проверить остановку и переход, раз уж они здесь. Аделина согласилась. Дело помогало двигаться, но не избавляло от мыслей. Она смотрела на дорогу, отмечала, где неудобно с сумкой, и одновременно видела зелёную линию на развороте. Сколько раз за эти годы она рассказывала о старой работе так, будто отказалась от неё вместе с Андреем? Не прямо лгала. Просто говорила: «Проект развалился». Это было правдой. Только её перевод успел выйти раньше, чем всё развалилось окончательно.

У остановки Кирилл спросил, хочет ли она посидеть.

— Я не из-за пятки молчу.

— Я понимаю.

— Ты видел этот буклет раньше?

— Нет. Андрей говорил, что они что-то напечатали. Я не искал.

— Почему?

Он посмотрел на дорогу, по которой должен был прийти автобус.

— Потому что не хотел ещё раз с ним об этом говорить.

Аделина села. Ветер тянул бумажный край расписания, и она придержала его ладонью, пока Кирилл делал снимок. Они всё ещё могли работать вместе. Это не означало, что между ними стало проще.

Глава 8. Недостаточно данных

Кирилл отправил Вадиму снимки старого спуска и долго смотрел на последнее сообщение перед нажатием кнопки. «Фотографии были у меня». Можно было написать «сохранились у меня», и тогда фраза рассказывала бы о полезной находке, а не о том, почему Андрей не получил их вовремя. Кирилл оставил первый вариант.

Вадим позвонил вечером. Спросил, какие именно материалы имелись к дате несостоявшегося обсуждения. Кирилл объяснил: снимки уже были, часть замеров — тоже, сам он там прошёл вместе с Андреем. Аделина видела закрытый участок, но не участвовала в измерениях. Никто из них не был специалистом, который мог официально объявить склон безопасным или опасным; Андрей и не пытался. Он требовал не обещать читателю проход там, где существующее ограждение запрещало идти.

— Тогда формулировку придётся менять, — сказал Вадим.

— Какую?

— Я набросал вводный абзац к личной главе. Что первый вариант книги не состоялся из-за разногласий и недостатка проверенных данных. По материалам, которые у меня были, это выглядело так.

Кирилл стоял у своего кухонного окна. На подоконнике сохли две чашки, одна с отколотой ручкой. Он давно собирался её выбросить и всё время оставлял для чего-нибудь. Теперь взял её, поставил на стол, не понимая, зачем понадобилось движение.

— Данных хватало, чтобы убрать участок из рекламы.

— Для всего маршрута — не хватало.

— Для этого хватало.

Вадим помолчал.

— Мне не нужен в путеводителе большой спор о старой компании. Она вообще ещё существует?

— Не знаю.

— Вот. Я не могу отдавать место непроверенным обвинениям. У нас книга о поездках, а не расследование.

— Тогда не пиши, что он не собрал данные.

Кирилл услышал собственный голос: резкий, слишком громкий для пустой кухни. Вадим не ответил сразу, и он заставил себя продолжить тише.

— Я понимаю, что ты не можешь. Я тоже не хочу обвинений на пять страниц. Но если написать так, получится, Андрей опять не успел. А он успел. Я не дал ему фотографии.

Слова наконец вышли целиком. Никого рядом не было, можно было смотреть куда угодно. Кирилл смотрел на трещину в чашке.

— Почему? — спросил Вадим.

— Это уже личное. Но к недостатку данных отношения не имеет.

— Хорошо. Пришли последовательность с датами. Где не уверен — так и напиши. Я сверю с тетрадью. Ничего из нашего разговора автоматически в книгу не пойдёт.

Кирилл поблагодарил. После звонка он несколько минут ходил по кухне, убрал хлеб, вытер стол, потом достал ноутбук. Даты приходилось восстанавливать по файлам и письмам, не по памяти. В одной он ошибся на день. В другой — на три. От этого собственная уверенность в давней истории стала менее приятной, зато появилась возможность что-то уточнить.

Аделине он написал позже: Вадим просит сверить хронологию. Она ответила, что сделает утром. Потом добавила: «Спасибо, что отправил снимки целиком». Кирилл прочитал сообщение и почувствовал желание немедленно рассказать, как отказался подтвердить неверный

абзац. Хотел, чтобы она знала: он на этот раз не промолчал. Но сообщение получилось бы просьбой оценить его. Он убрал телефон.

На следующий день они ехали в Янтарный с двумя ночёвками. Раздельные комнаты подтвердили заранее. Кирилл взял сменную одежду и всё равно несколько раз проверил рюкзак, будто собирался далеко и надолго. Дома оставались посуда, рабочая куртка, пакет мусора, который он вынес уже на пути к остановке. В этом коротком отъезде почему-то было больше волнения, чем в поездках, которые он совершал один за последние годы.

Аделина встретила его возле автобуса. Волосы собраны, лицо усталое, в руках пакет с булочками. Одну она протянула ему.

— Я купила две. Не знала, завтракал ли ты.

— Завтракал. Потом съем.

Он убрал булочку в рюкзак. Не стал есть сразу только ради того, чтобы порадовать её. И она не обиделась — во всяком случае, не показала.

Дорога была спокойной. Аделина работала в телефоне, иногда записывала что-то в блокнот. Кирилл смотрел на поля и редкие дома. Он давно не ездил здесь пассажиром и видел места иначе: не поворот, на котором нужно снизить скорость, а женщину, несущую две сумки; не покрытие дороги, а сад за забором. Андрей умел так смотреть всегда. Кириллу для этого пришлось оставить машину.

У гостевого дома их встретила хозяйка, женщина примерно его возраста с мокрыми после уборки руками. Она показала комнаты по разные стороны коридора и попросила не оставлять обувь с песком на ковре.

— Завтрак с восьми. Если раньше уходите, скажите сегодня.

Аделина уточнила, есть ли место, где можно вечером поработать, не сидя на кровати. Хозяйка показала общий стол внизу. Кирилл предложил принести из его комнаты второй стул, потому что у Аделины стоял низкий табурет. Она сказала, что сначала посмотрит, удобно ли за столом.

Свою комнату он освоил за минуту: рюкзак на полку, зарядка к розетке, окно приоткрыть. Потом сел на кровать и услышал, как за стеной кто-то передвигает мебель. Он не знал, Аделина это или другой гость. Всё равно прислушался.

После обеда они вышли к берегу. Проверяли доступный благоустроенный участок, расстояние до остановки, место, где в тексте Андрея начиналась отдельная прогулка. Никакой необходимости спешить не было. Кирилл шёл медленнее, чем обычно, сначала из-за её пятки, потом потому, что сам не хотел заканчивать день быстро.

— Ты вчера говорил с Вадимом? — спросила Аделина.

— Да.

— Он прислал мне свой абзац. Сказал, ты не согласен.

Кирилл остановился у ограждения, чтобы пропустить семью с коляской.

— Там было неверно про данные.

— Я видела.

Она смотрела на море, и он не мог прочитать её лицо. Раньше ему казалось, что если Аделина не спорит, то согласна. Потом выяснялось, что она просто не хочет продолжать разговор при людях или считает спор бессмысленным. Сейчас он спросил:

— Ты думаешь, надо было оставить?

— Нет. Но я боюсь, что мы совсем уйдём от книги. Будем доказывать, кто тогда что сделал.

— Мы и так это делаем. Только каждый про себя.

Аделина повернулась к нему. Он пожалел о фразе: слишком законченная, будто заранее придумал. Но она не стала спорить.

— Да, — сказала она. — Наверное.

Они пошли дальше. Внизу на песке мальчик пытался поднять большую плоскую доску; взрослый рядом не помогал, пока ребёнок сам не позвал. Кирилл смотрел на них и думал, что иногда ждать чужой просьбы труднее, чем сразу подхватить тяжёлое. С Аделиной он чаще подхватывал — и потом требовал благодарности за то, о чём она не просила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.